

*М.В. Михайлова (Москва, Россия)
А.Н. Кравцов (Мельбурн, Австралия)*

**Цепкая память свидетеля:
Михаил Соловьев. Когда боги молчат. Малая война
(Записки советского военного корреспондента). М.: АИРО-XX, 2017**

*M.V. Mikhaylova (Moscow, Russia),
A.N. Kravtsov (Melbourne, Australia)*

**Retentive Memory of the Witness:
Mikhail Solovyov. When the Gods are Silent. Little War
(Notes of the Soviet War Correspondent). Moscow. AIRO-XX. 2017**

Через пятьдесят лет после выхода на Западе роман Михаила Соловьева «Когда Боги молчат» был издан, пусть и с купюрами, в России. Он представляет собой эпохальный срез настолько крупного охвата, что временной, эмоциональный и сюжетный диапазон роднит его с такими классическими произведениями XX в., как «Тихий Дон» М. Шолохова и «Доктор Живаго» Б. Пастернака. Об этом пишет и автор предисловия и составитель сборника, вышедшего в серии «АИРО – ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ», литературовед В.В. Агеносов, говоря о точной «диалектической оценке» Гражданской войны, которую дал М. Соловьев. Обращение к теме Гражданской войны ставит Соловьева в один ряд и с такими писателями, как Б.А. Пильняк, А.А. Фадеев, А.С. Серафимович, И.Э. Бабель.

Хотя публикация на родине автора осуществлена впервые, фактически это уже третье издание на языке оригинала. Еще до своего появления в виде отдельной книги в 1963 г. в Нью-Йорке отрывки из произведения публиковались в известном общественно-литературном журнале русского Парижа «Возрождение» (1951). Можно представить себе реакцию редактора «Возрождения» С.П. Мельгунова, получившего этот текст. Сразу стало ясно, что появился далеко не бесталанный автор из «новых» эмигрантов второй волны, со свежим взглядом оттуда, из Советской России, обладающий своеобразным стилем, отличным от устойчивого эмигрантского. Кроме того, Мельгунов не мог не заметить знания материала из первых рук. Вместе с тем взвешенная позиция автора, выступившего тогда под псевдонимом Бобров, не давала повода сомневаться, что, хотя он пишет с симпатией о героях революции, все же он – «свой».

Первоначально роман назывался «Марк Суров». Позднее он получил новое название – «Когда Боги молчат» (совершенно очевидна реплика в сторону Достоев-

ского с его «Все дозволено, когда Бога нет»). Существование Богов (в античном понимании) автором не отрицается, но их молчание («с молчаливого согласия») и дает повод совершать все те беззакония, свидетелем, а порой и участником, которых стал главный герой романа Марк Суров. Как указано составителем в аннотации к сборнику, Михаил Соловьев – «писатель с “пестрой биографией”, послужившей прообразом биографии героя романа <...>, “от детства потрясенного революцией человека”». Как и автор, Суров в 12 лет вместе со старшими братьями воевал в Первой Конной. Учился в МГУ, имел возможность наблюдать накал внутривластной борьбы, жертвой которой стала выведенная в романе Надежда Аллилуева. Работая на Дальнем Востоке, Марк Суров видел как энтузиазм молодых строителей Комсомольска-на-Амуре, так и бездушное к ним отношение. Бюрократизм руководителей, жестокость чекистов, лагеря ГУЛАГа вызвали первые сомнения молодого человека в оправданном высокими целями насилии. Наблюдения и размышления Сурова, масштаб зафиксированных событий получили полноценное художественное воплощение уже на страницах первого тома. Именно это сопряжение автобиографического с романским, поиск автором золотой середины между фикшн и нон-фикшн, попытки вплести собственную судьбу в канву повествования и стали той основой, которая подогревает читательский интерес.

Наличествующий в романе элемент автобиографичности очень тактично и глубоко раскрыл в предисловии В.В. Агеносов. Действительно, основные вехи жизни героя совпадают с фактами биографии Михаила Соловьева, но, несомненно, перед нами художественное преображение действительности: люди вокруг, любовная линия, даже диалоги – это, конечно, плод размышлений и результатов отбора. Кроме того, сказовая стилистика романа (причем сказовое начало варьируется – здесь и неторопливая речь крестьянского многодумца, и повествование от лица несмышляныша, выросшего в деревне) подводит читателя к мысли о всеобщности описанной судьбы деревенского мальчишки, ввергнутого в Хаос истории.

Эпические интенции всего повествования несомненны. Уже первые главы романа, в которых речь идет о детстве Сурова, выросшего, как и герои Шолохова, в донских степях, разворачивают перед читателем эпохальную картину изменений на фоне свершившейся революции и гражданской войны: «Прошли те времена, когда захваченных в плен пускали на все четыре стороны; революция требовала крови, пролитая кровь вызывала новое кровопролитие, а круг кровопролития, только дай ему ходу, всех людей без разбора в свой предел включит». Так, развиваясь по нарастающей, эпос революции и Гражданской войны достигает кульминации в судьбе героя, когда он сталкивается с отрядом «зеленых» на Кубани. Сурову удается убедить партизан сдаться на милость советской власти, что и происходит с одним отдельно взятым отрядом, участники которого убеждены, что не должны продолжать борьбу, «когда вся Россия притихла». Позицию автора, совпадающую, по-видимому, с восприятием героя-повествователя, можно оценить как вполне дружелюбную по отношению к обеим враждующим сторонам. Его оценки взвешенны, спокойны, доброжелательны, что выражается в появлении юмористических деталей, смягчающих напряжение: «Но особенно замечательными были его брюки, сшитые из красного бильярдного сукна. <...> о них все буденновцы мечтали, но претендентов на красные шаровары было больше, чем бильярдных столов <...>, и потому редко кому счастье улыбалось».

Однако поражает, что написанное почти 70 лет назад произведение отличается не просто точностью диагноза, данного советской политической системе, а глубоко-

ким пониманием закономерностей развития этой системы, где поначалу почти еле заметные червоточины дали такой гнилой плод, что аналогом ему будут самые страшные явления в историческом пространстве XX в.

Интересно сравнить опубликованные в «Возрождении» отрывки с итоговым романским вариантом, чтобы проследить эволюцию Соловьева как художника. Его перо оттачивалось в 1930-е гг. при написании журналистских статей. Совершенствовал он свои исторические знания, когда преподавал историю в генеральской группе Академии им. Фрунзе. Когда в 1941 г. лейтенантом Красной армии он попал в плен, вернулся в журналистику, редактируя в оккупированном Бобруйске уже под псевдонимом «М. Бобров» газету «Новый путь». После окончания войны Соловьев переезжает в США и начинает уже свою писательскую деятельность. Потом его след теряется... Столь сложная биография отразилась на манере его письма. Он пишет так, словно перед его глазами проходят воспоминания, и сквозь эту пелену сознания словно вопрошает: верно ли я поступил тогда, покинув родину... Отсюда абсолютная естественность его философских размышлений, обильно рассыпанных по тексту книги.

Хотя сопряжение биографии Соловьева с биографией главного героя наводит на мысль об автобиографичности романа, тем не менее это не совсем так. В отличие от автобиографического произведения художественная стилистика романа Соловьева угадывается в разного рода аллюзиях, метафорах и гротескных отступлениях: «Мерным шагом шел старый рыжий конь, и было в этом всаднике и его коне что-то мрачное, пугающее, словно встали они из могилы и едут так уже давно – неторопливо, безостановочно, вечно едут». Это напоминает шествие Коя-Блед, несущего смерть. Разумеется, здесь мы имеем дело с мифологемой смерти, которая во многом определяет поэтику повествования. Его герой (как и автор) многократно встречается со смертью лицом к лицу (на службе в Конармии, при строительстве Комсомольска на Дальнем Востоке, во время восстания на прииске Холодном, во время ареста по делу Бухарина, на Финской войне, на фронтах войны Отечественной, в лагерях военнопленных, наконец на оккупированной территории). Таким образом, налицо художественные приемы.

Но не менее значимо и «просвечивание» автобиографического в произведении, созданном, казалось бы, по законам жанра романа, где большую нагрузку имеет вымысел. При создании автобиографии заметно стремление пишущего подчеркнуть уникальность своего жизненного пути, что мы видим и в характеристике Сурова: «Если чужим, поверхностным взглядом его окинуть – парень как парень, миллионного издания, а если иначе поглядеть, как мы глядим, то не безличие миллионов в нем, а он сам с его судьбой и его путем». В то же время создание текста автобиографии – это не изложение на бумаге своих воспоминаний, а сам процесс «построения» автобиографического воспоминания. При написании автобиографии важно, *что* написано и *как* написано, что и приближает автобиографию к художественным текстам. И это лишний раз доказывает, как сложно провести грань между вымыслом и реальностью как в художественном, так и в автодокументальном текстах. Очевидно, что в своих произведениях Соловьев опирался на факты собственной жизни, отнеся свои переживания в прошлое. Его опыт в Отечественную, таким образом, «наложился» на его воспоминания о молодых годах, проведенных в пожаре Гражданской войны. Осознанно или нет, но именно такое «домысливание» придает его документальным, в общем-то, сюжетам зримый оттенок художественности. Как автор по меньшей мере одной книги, уже

написанной к тому времени, и как журналист, обладающий навыками успешной подачи материала, Соловьев балансирует на грани беллетристики и мемуаристики, между жизненным опытом и устойчивой художественной образностью. При чем «процент» художественности увеличился в окончательной версии романа по сравнению с журнальной публикацией.

В качестве иллюстрации к нашим доводам обратим внимание на ряд сцен. Вот сцена, где Суров должен подарить своего верного коня перешедшим на сторону большевиков партизанам: «Марк никак не мог избавиться от чувства, что Воронок посмотрел на него печальным осуждающим взглядом, словно понял, что Марк изменил ему»¹. А в последней версии читаем: «Марк никак не мог избавиться от чувства, что при прощании Воронок посмотрел на него сначала сердито, потом осуждающе, а потом очень-очень грустно». Подозрение в измене меняется на грусть, чувства умягчаются, разумное замещается душевным. Текст стал более эмоциональным. И если в очерке Соловьев пишет: «Уже много верст этой грязной, липкой дороги отмерил Марк, и если приглядеться к нему поближе, то можно заметить, что лоб его покрыт испариной и на лице усталость»², – в стилевой партитуре романа начинает преобладать былинный лад: «По нему было видно, что не одну версту, и не две, а много верст он прошел – бледным от усталости был, пот с лица ладонью то и дело смахивал». В некоторых местах семантические обороты литературного русского («рассказывают») в романе меняются на южнорусское («гутурили»). Особенно сочно выглядят монологи местных жителей: «Власть, что и гуторить, не дай Бог даже турку-нехристю. Однако же, може, она и образумится. Продразверстку вот отменили. Грабежей новых не слышно. Конечно, власть поганая, да мы одни ту власть не перекричим. А и поддаваться ей нельзя». В то же время некоторая недоговоренность в мелочах дает импульс читательскому воображению.

Имеет смысл обратить внимание на явную аллюзию романа с «Конармией» И. Бабеля. У Соловьева герой – рассказчик Марк Суров. У Бабеля – корреспондент Кирилл Лютов. Ономастика имен идет от характеров: суровый и лютый. Хотя образ Лютова достаточно автобиографичен, автор все же не тождествен ему, он находится на определенной дистанции от героя. Именно этот момент в «Конармии» Бабеля, как и в «Когда боги молчат» Соловьева, позволяет говорить об использовании авторами приема метапозиции, вненахождения.

В романе вымышлено многое – начиная от имени героя и заканчивая хронотопом происходящего. Установить точное место и время описываемого можно лишь по отдельным деталям (отмена продразверстки и введение продналога, бои в Гражданскую войну на Кубани и пр.). Судьба героя разворачивается на фоне этих событий. С ними связана и любовная линия в романе. Студенческое увлечение Леной и Наташей приходится на период становления «новой морали» (они обе члены общества свободной любви «Долой стыд!»), а возвышенная любовь к Кате-Колибри, «тоскующей и печальной птичке, которой обломали крылья», осложняется всеобщей шпиономанией (она оказалась втянутой в шпионские игры из-за своего происхождения: русский отец и японка мать).

После окончания учебы из Москвы Суров направлен заведующим отделом ЦК партии Ежовым в Хабаровск. И там герою уже приходится быть с теми, «кто хватал, судил, обрекал, и спрятаться от этой правды нельзя». Среди последних на-

¹ Возрождение (Париж). 1951. № 14. С. 99.

² Возрождение (Париж). 1951. № 13. С. 72.

чальник краевого НКВД Доринас (Т.Д. Дерibas). Возникают и говорящие фамилии: Южный руководит исполкомом на Севере, Веселый – управляет заключенными при добыче угля, а потом, когда рудник закрывается, расстреливает оставшихся в живых из пулеметов. Куда уж веселее? А боги молчат... Но вместо них начинает говорить новый божок («Сталин стал всемогущим»): «Больше напряжения и жертв, меньше сентиментальности, и невозможное станет возможным». И постепенно философские размышления становятся неотъемлемой частью романа. Вот одно из важнейших: «Другой стороной нашего однолюбства является нетерпимость к инакомыслящим. Того, который не согласен с нами, мы сразу к врагам причисляем, огнем и мечом истребляем, не понимая, не зная, не веря, что свобода не с единства, а с различий начинается и если действительно о свободе болеть, то прежде своей чужую свободу нужно уважить потому, что ведь может быть и так сказано: моя свобода кончается там, где начинается свобода другого». Не менее значимы и мировоззренческие споры с Катей, в которых Суров, желая оправдать репрессии, апеллирует не к марксово-ленинской теории, а к Достоевскому («На нашем пути Смердяков. Мы устраним его»). Важна в этом плане и вставленная глава «Записки для памяти геолога Петра Сергеевича Новикова» (их оставляет Сурову встреченный в тайге человек). И строки дневника доказывают, что не только Суров сомневается в верности избранного партией курса.

Круг бытия на этом этапе замыкается для героя, когда он встречает в сибирском лагере заключенного Остапа, того самого «зеленого», кому он подарил верного Воронка. А вскоре на прииске Холодном происходит восстание, и одним из его участников становится Остап. И это по-новому освещает для Сурова весь пройденный им исторический путь: «События прииска Холодного тогда еще не были для Марка прошлым – отблеск таежного пожара лег на его мир, по-новому осветил его. Убийства, исход, Лена и Остап с их страшной решимостью – в этом он не видел начала и не видел конца. Большим, чем всё это, было то, что человек, определенного лица не имеющий – вселичный человек, – восстал, и этим мгновенно отменил безусловный абсолют их общей правды».

Но не только приведенные выше примеры дают возможность утверждать, что Соловьев – незаурядный писатель, обладающий собственным почерком и видением мира. Вторая часть данного сборника содержит личные воспоминания М.С. Соловьева-Голубовского о малоизвестной Финской войне, что позволяет отнести их к жанру журналистского очерка в чистом виде, поскольку автор был непосредственным участником этой военной кампании. Однако, несмотря на краткость публикуемых выдержек из его книги (из 19 очерков в настоящий сборник было помещено всего 6), нам хотелось бы обратить внимание не только на роман, но и на этот цикл! И хотя «Записки военного корреспондента» занимают всего 30 страничек, нам кажется, что и они дают достаточно полное впечатление о нравственном облике автора, о его творческих принципах и подходе к обрабатываемому материалу. И мы с полным правом можем на их примере говорить о М. Соловьеве как о художнике. Перед нами то, что теперь в науке о литературе принято называть эгодокументом, т. е. записи о пережитом и прочувствованном. И в них не до украшательства.

Автор в первую очередь доносит до читателя ужас холодеющей лесной пустыни, окружившей неподготовленных советских бойцов на финской границе. И это пережил он сам, случайно очутившись на непопулярной и сейчас почти полностью забытой войне. А ведь она должна была послужить предостережением! Про-

играть крошечному народу – это очень бесславное дело! Но овации и шапкозакидательство заглушили боль от потерь. А потом все это повторилось в первые два года Отечественной войны...

Даже эти 6 очерков дают полное представление о публицистическом мышлении автора. Что мы можем вынести из этих «Записок»? Страшное разгильдяйство и неподготовленность Красной Армии, случайность приказов и нелепые поступки командования, не объясняемые ничем бюрократические проволочки и плутание в коридорах власти, где каждый начинал чувствовать себя былинкой на ветру, которая могла быть растоптана в любой момент. При этом автор как бы мимоходом запечатлевает мелочи жизни: на станциях торопливо и неряшливо кормят супом, вот бьется в припадке эпилепсии, ставшей массовой, боец (заболевших почему-то отправляли в тыл без сопровождения пехотинцев). А главное – абсурд, пронизавший все. Так, хладнокровный кретин-убийца может в одночасье сделаться патриотом, якобы предотвратившим диверсию, а несчастный, загнанный в угол солдат, тот, кого буквально подтолкнули к преступлению, предстанет врагом народа. Или сотрудники газеты «Известия», будто бы «политически совращенные» Бухариным и потому попавшие под подозрение, в то время как постоянно общавшиеся с ним члены правительства вышли сухими из воды...

И на протяжении всего повествования Соловьев набрасывает портреты людей, облеченных даже малой толикой власти, которую они по унтер-пришибеевски используют, издеваясь над нижестоящими. Достаточно напомнить о костлявом человеке с сонными глазами в областном НКВД, пославшем его под начало Мехлиса. Мы больше не встретим этого человека на страницах повествования, но при описании его действий слово «равнодушно» встречается несколько раз, и мы понимаем, кому было дано вершить судьбы людей.

Разговор о Мехлисе особый. В напечатанном варианте рассказчик встречается с ним дважды. Первый раз он запечатлевает радушного покровителя, который неизвестно почему решил помочь Соловьеву выйти из-под опалы (тот находился под подозрением в связи со своей работой под руководством Н. Бухарина в газете «Известия»). Но это радушие змеи. Автор отмечает позерство этого человека, который носит маузер в деревянном футляре, желая этим напомнить о своих заслугах на Гражданской войне, и чтобы продемонстрировать невероятную усталость, закрывает глаза при разговоре с собеседником. И в то же время во всем его поведении чувствуется сковывающий его страх, усиливаемый насмешками Артема Халатова, буквально преследующего Мехлиса ядовитыми эпиграммами, написавшего сатиру «Исследование о белом коне и всаднике под ним». К источнику появления этого пресловутого «белого коня» Мехлис был, по сути, непричастен. Но злую шутку сыграло желание какого-то подхалима подчеркнуть его заслуги. Он написал, что в свое время в боевое расположение войск на Волге Мехлис прибыл на белом коне. Так, передавая историческую байку, автор дает представление о безудержной лести и подбострастии, проникших всюду и иногда даже игравших против безудержно восхваляемых. Не забывает он напомнить и о прозвище Мехлиса – Левушка Прохвостов.

Второй раз возникает Мехлис перед читателем в образе «судьи несправедного». Это он посылает на расстрел упоминавшегося выше почти обезумевшего от ужаса солдата, узнавшего о воцарившемся в Воронежской области голоде, от которого погибла почти вся его семья. И это он определяет подлое убийство политика, будто бы призывавшего к предательству (такую по тем временам просто

гениальную версию выдвинул убийца («с узким лбом и приплюснутыми ушами»), как «типичный случай советского патриотизма», предотвратившего уход отряда бойцов к противнику. И он же делает выговор Соловьеву, который «не сумел» разобраться в истинных мотивах поступков того и другого и едва не совершил политическую ошибку.

Обратим внимание на то, как рисует автор эту сцену. Он применяет прием ретардации, т. е. замедления, фиксируя буквально каждый всплеск робко вспыхивающей в нем надежды на справедливость решения. И тем страшнее выглядит безапелляционный вердикт начальника: «В военно-полевых условиях мы не можем заниматься такими тонкостями, как психиатрия. К тому же существует потребность показать всей армии, что жизнь политработников неприкосновенна». Но под стать Мехлису и жертва обезумевшего солдата Стогова – убитый им политрук. Вот как его характеризует автор: «Студент Института красной профессуры был очень хороший политрук. Поэтому все человеческое ему было чуждо. <...> Для него бойцы были прежде всего исполнителями высшей воли, и выразителем этой воли был он, политрук роты и коммунист». Сталкивая в одном абзаце два определения – «хороший человек» и «человеческое чуждо» – Соловьев добивается нужного эффекта!

Автор вообще любит прибегать к «бесстрастным контрастам», как мы бы назвали этот прием. Так, он между делом сообщает, что, пока разбирались с обезумевшими от страха пермяками, составившими драпанувший с передовой целый полк, «два бойца, оставшиеся в бане, замерзли насмерть». Само же бегство бородатых сибиряков, за которыми гонится их начальство километров этак с пятюк, описано с юмором.

Информационная часть повествования чередуется с изобразительной. Вот автор информирует читателя о том, что в страшную северную зиму перебросили войска из Средней Азии, состоявшие из местных теплолюбивых жителей. И большинство их перемерзло в первые же дни. Но будни войны вынуждают оставшихся бойцов использовать очоленевшие тела чудовищным образом: «Бойцы сидели и ели суп на трупах своих товарищей, замерзших или убитых». И только командиру полка услужливо подставили пенек, и он, пока ест из котелка, безразлично сообщает Соколову, что «человек с сотню перемерзло».

Может быть, еще более жуткой выглядит обстановка на передовой, где солдаты вынуждены сражаться в резиновых сапогах, без зимнего обмундирования, в легких шинелишках. И картины греющихся у костров в шалашах солдат, многим из которых предстоит вскоре замерзнуть, потрясают. И еще более потрясает лишенная эмоциональности строка, завершающая очерк: «На обратном пути мы подобрали четырех замерзших солдат, обутих в резиновые сапоги». Скорее всего, добавляет автор, это были те, кого послали за забытым на ночь по халатности отрядом.

В этих зарисовках почти совсем нет упоминаний о природе: только холод, снег, ночь. «Замороженный мир» – так назвал Соловьев один из своих очерков. И тем больше врезается в память образ, передающий кошмар войны, где уже не обезображенные люди, а лес, превращенный «в частокол обрубленных осколками, расщепленных до самого корня обезображенных стволов», выступает обвинителем.

Конечно, можно пожалеть, что в данном издании нет второй части романа. Разумеется, хочется постичь и осмыслить все полотно. Но надо отметить, что и в таком виде роман, почти забытый и отодвинутый в тень, появился очень вовремя, ибо создается впечатление, что непоколебимая уверенность в собственном вели-

чии и правоте затмевает умы россиян сегодня, что вновь место «всемирной отзывчивости» (не иллюзия ли Достоевского?!) заступает непримиримость и ненависть к любому иному мнению.

В заключение хотелось бы привести слова современных литературоведов, подтверждающие мысль, которая приходит на ум при чтении сборника М. Соловьева: «Такое впечатление, что “художественная литература” XX века оказывается часто более документальной, чем многие, привычные профессиональному историку материалы»³. Добавим, что такие книги могут составить основу учебников истории XX в., и потому хотелось бы пожелать полной публикации, без купюр в самом ближайшем будущем романа этого интересного писателя «с пестрой биографией». Ведь он был сто раз прав, когда в уста одного из своих героев вложил слова, объясняющие, почему молчаливы люди, терпящие надругательства над собой со стороны власти, лишённые чувства собственного достоинства: «Это люди с умерщвленными душами. Для них нет будущего, и у них отнято прошлое. Боже, если Ты есть, помоги им!»⁴ И этот призыв, но обращенный не к богам, а к нам самим, должен быть услышан.

Сведения об авторах:

Михайлова Мария Викторовна,
доктор филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Maria V. Mikhaylova,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
mary1701@mail.ru

Андрей Николаевич Кравцов,
канд. филол. наук
независимый исследователь

Andrey N. Kravtsov,
PhD
Independent Researcher
kravtsov.au@gmail.com

³ *Суперфин Г.Г., Сорокина М.Ю.* «Был такой писатель Агеев...» // Агеев М. [Леви Марк] Роман с кокаином. М.: Согласие, 1999. С. 269.

⁴ *Соловьев М.* Когда боги молчат. Малая война (Записки советского военного корреспондента). М.: АИРО-XX, 2017. С. 220.